

Н. Д. ТРЕГУБОВА, В. С. СТАРИКОВ

СЕТЕВЫЕ ТРАЕКТОРИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ МИГРАНТОВ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПОДХОДОВ*

Целью представленной статьи выступает изложение предварительных результатов теоретического анализа того, каким образом распространение цифровых технологий и онлайн-взаимодействий меняет исследовательскую перспективу при анализе экстремистской активности транснациональных мигрантов. Авторы представляют обзор новейших исследований в области «расширенного цифрового транснационализма» в целом и идеологической радикализации транснациональных мигрантов, в частности, анализ виртуальных/цифровых диаспор, транснациональных онлайн-сообществ, онлайн-экстремизма и др. Утверждается, что анализ сетевых онлайн-пространств взаимодействий транснациональных мигрантов позволяет выделить обобщенные сетевые траектории мигрантов, которые могут быть увязаны в том числе с их участием в экстремистской деятельности. В заключение делается вывод о перспективах исследований «транснационализма онлайн» и «экстремизма онлайн» в современной социальной науке.

Ключевые слова: транснационализм, миграция, экстремизм, идеологическая радикализация, онлайн.

Введение

В современном мире с распространением цифровых технологий все большая часть человеческой активности происходит в онлайн-пространстве. Цель настоящей статьи — рассмотреть, каким образом данные трансформации меняют исследовательскую перспективу в одной проблемной области — при анализе идеологической радикализации транснациональных мигрантов.

Прежде всего, рассматриваются характеристики феномена «расширенного цифрового транснационализма» и основных направлений его изучения. Затем обсуждается «оборотная сторона» транснациональной миграции — экстремистская активность мигрантов, которая в значительной степени реализуется в онлайн-пространстве. Обращается внимание на соотношение «традиционных» исследований экстремизма в сравнении с анализом сетевых траекторий идеологической радикализации. В заключение делается вывод о перспективах исследования

---

* Работа выполнена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 18-78-10049).

онлайн-активности транснациональных мигрантов в целом и их экстремистской деятельности, в частности.

«Расширенный цифровой транснационализм» и сетевое взаимодействие мигрантов

В 1990-е гг. в научной литературе возникает новый подход к пониманию миграционных процессов, который смещает фокус анализа от дихотомии «страна исхода — страна приезда» в пользу перспективы транснационализма (Glick Schiller, Basch, Szanton Blanc 1995). Транснациональный подход возникает в ответ, с одной стороны, на критику теорий ассимиляции, с другой — на неудачу проекта мультикультурализма, и представляет собой попытку зафиксировать новые характеристики миграционных процессов в эпоху глобализации (Костенко 2014; Степанов 2018). Транснационализм определяется как «процесс, посредством которого мигранты формируют и поддерживают многоцелевые социальные отношения, связывающие между собой страны их происхождения и проживания» (Basch, Glick Schiller, Szanton Blanc 1994: 7). Миграция рассматривается как динамичный процесс, охватывающий различные национальные и глобальные географические и культурные связи и политические сети, а также структурные возможности; с этой точки зрения переселенцы описываются как трансмигранты (Faist 2000; Glick Schiller, Basch, Szanton Blanc 1995), а их мульти-территориальное поведение — как «глокальное» (glocal) или «транслокальное» (translocal) (Giulianotti, Robertson 2007; Portes, Rumbaut 2001).

Соотношение локального и глобального, равно как и разграничение взаимодействий, связанных со страной исхода, страной пребывания и транснационализмом, — одна из важнейших концептуальных проблем в исследованиях миграции. Одно из наиболее перспективных направлений анализа этих взаимодействий — изучение делокализованного сетевого пространства взаимодействия, всемирной паутины (WWW)¹. Современные технологии формируют онлайн-пространство, превосходящее территориальные ограничения. Сегодня все больший объем научных исследований направлен на изучение взаимосвязи между технологиями и миграционными процессами (Brinkerhoff 2005, 2006; Diminescu 2008; Everett 2009). В научной литературе появились

---

¹ Авторы не определяют WWW, интернет, онлайн в качестве синонимов. В данном тексте это скорее метонимический троп.

такие термины, как «транснациональные онлайн-сообщества», «виртуальные/цифровые диаспоры», «этническая онлайн-общественность», «онлайн-мигранты» (Axel 2004; Brinkerhoff 2009; Diminescu 2008; Swaby 2013; Kissau, Hunger 2010) и пр. Анализ сетевых взаимодействий транснациональных мигрантов позволяет выделить типичные сетевые траектории мигрантов, которые, предположительно, соответствуют типичным² миграционным траекториям и отчасти формируют их. Под сетевыми траекториями понимаются изменения совокупности сетевых практик пользователя во времени, причем для транснациональных мигрантов сетевые практики будут транснациональными. Данное исследовательское направление может быть обозначено как анализ «расширенного цифрового транснационализма»³/«транснационализма онлайн» (Starikov, Ivanova, Nee 2018).

Исследования транснациональной миграции через анализ сетевой активности мигрантов могут быть сгруппированы в несколько предметных областей:

1) Исследователи обращаются к тому, как всемирная паутина содействует укреплению идентичностей, дает возможность удаленным друг от друга людям мобилизоваться, публично выражать свою идентичность и солидарность, обмениваться материальными благами и участвовать в транснациональной деятельности — политической, экономической и социально-культурной (Adamson 2012). Новые информационные тех-

---

² В данном случае «типичный/типический» отсылает читателя не только к социальным фактам, но, более точно, к их расширенной трактовке в виде типов фактического существования социальности. Исходная операционализация наследует опыт Э. Дюркгейма (см. «Самоубийство: социологический этюд» и «Элементарные формы религиозной жизни»). Под «типичной миграционной траекторией» мы понимаем не столько индивидуальную модель поведения, сколько социальное пространство, ограничивающее индивидуальные действия мигранта и одновременно детерминирующее его самоопределение. Следует также оговориться, что мы концентрируемся на социальных фактах *транснационализма*, и по этой причине выводим из поля зрения некоторые кейсы (например, массовое убийство в Керченском политехническом колледже или стрельба в Таузанд-Оукс 2018 г.).

³ Концепция «расширенного цифрового транснационализма» (“digital extended transnationalism”) предлагает рассматривать феномен миграции не как индивидуальное или коллективное действие (например, как простое перемещение в пространстве), но как процесс обретения расширенной идентичности, которое не может быть сформировано вне транснациональной миграции. В этом заключается принципиальное отличие, которое позволяет выделять транснациональных мигрантов в отдельный тип. Мы пытаемся показать, что повседневное использование онлайн-пространств является не заменой, но существенным расширением транснационального подхода как феномена и как предмета социального анализа.

нологии являются важным инструментом для создания связей между мигрантами, представителями гражданского общества и политиками (Newland 2010). Как было показано в ряде работ, эти связи оказывают влияние на традиционные социальные взаимодействия и могут способствовать появлению отдельного сообщества онлайн-мигрантов (Brinkerhoff 2009; Diminescu 2008; Swaby 2013).

2) Другие авторы сосредотачиваются на изучении формирования коллективных идентичностей, социально-психологических аспектов миграции, политической вовлеченности. Так, исследования показали, что диаспоры часто используют социальные медиа для создания своеобразной публичной сферы поддержки во время процесса интеграции или заполнения «социальной пустоты», возникающей при перемещении в другую страну (Diminescu 2012; Ridings, Gefen 2004). Также признается значение онлайн-сетей как своеобразного «безопасного пространства» (safespace) для социального взаимодействия, где мигранты могут обсуждать свое самосознание и выражать собственные гибридные идентичности (Brinkerhoff 2009; Swaby 2013).

3) Довольно популярным направлением является изучение социально-психологических аспектов сетевой активности мигрантов. В подобных исследованиях подчеркивается роль всемирной паутины как носителя коллективной памяти, а также ее роль как активного пространства для реконструирования образа страны исхода и собственной идентичности, которое сопровождается переживаниями травмы, стыда, отрицания, замещения (Bernal 2013; Estévez 2009). Утверждается, что новые информационные технологии изменяют опыт миграции путем формирования (онлайн) ностальгии, которая обеспечивает чувство принадлежности и близости со страной исхода (Estévez 2009). Здесь ностальгия понимается как тоска по дому, который больше не существует или никогда не существовал (Boym 2001).

4) Новые информационные технологии также активно изучаются в связи с их ролью в трансграничной политической мобилизации (Brinkerhoff 2009), конфликтах и гражданских войнах (Brinkerhoff 2006). Например, в работе о тибетской буддийской молодежи показано, как они используют новые медиа для построения глобальных сетей для реконструирования образа правительства Китая как врага (Drissel 2008). Те же самые средства используются для формирования структуры транснационального общения между китайской диаспорой и ее материком, а также для формирования благоприятного национального имиджа «нового Китая» (Ding 2007).

Таким образом, всемирная паутина способствует формированию онлайн-площадок, которые имеют важные последствия для поведения мигрантов в принимающем обществе.

Развитие информационных технологий ставит ряд новых концептуальных вопросов о роли диаспор, групп, организаций, социальных фигураций. Может ли этническая принадлежность и идентичность конституироваться через транснациональное «воображаемое сообщество» (Андерсон 2001)? Как показал Б. Андерсон, распространение таких средств коммуникации, как массовая литература и печатные газеты, ставшее возможным благодаря коммерциализации технологии книгопечатания и появлению «печатного капитализма» (printcapitalism), сыграло важнейшую роль в подъеме европейского национализма, дав индивидам реальную возможность идентифицироваться с «воображаемым сообществом» нации, находящемся с ними в едином времени и пространстве. Меняется ли природа «воображаемых сообществ» в ситуации, с одной стороны, усиления транснациональных взаимодействий, а с другой — с появлением новых общедоступных средств коммуникации, таких как интернет и социальные сети? С методологической точки зрения, данная ситуация ставит вопросы: какие подходы и методы пригодны для изучения цифровых диаспор и появления глобальных транснациональных сообществ? Каковы новые формы демаркации «местного», «национального» и «транснационального» и как их следует учитывать при проведении научных исследований? Что происходит с отношением людей к национальным государствам, когда они приобретают транснациональную идентичность?

Транснационализм, экстремизм и WWW

Транснационализм не является имманентным состоянием и не обязательно присутствует в миграционном процессе. Кроме того, он может оказывать разное влияние (позитивное или негативное) на процессы социального взаимодействия, способствовать как интеграции, так и изоляции. Транснационализм может принимать разные формы и иметь различные эффекты, одним из которых выступает кардинальная смена идентичностей, идеологическая радикализация и участие в экстремистской деятельности. В последние годы внимание к взаимодействию мигрантов определяется не только академическим интересом, но и существенными рисками, связанными с распространением международного терроризма и экстремизма. Концепция транснациона-

лизма показывает свою эффективность в исследовании международной миграции, поскольку учитывает неопределенность и двойственность положения мигранта, который одновременно находится на принимающей территории, но сохраняет связи со страной исхода («здесь и там»). Концепция транснационализма онлайн особенно эффективна для изучения международного терроризма, поскольку принимает во внимание, что социальное взаимодействие в поле экстремистской деятельности осуществляется и соотносится с акторами за пределами страны исхода и принимающей страны («здесь, там и где-то еще»).

Для России проблема исследования взаимосвязи экстремизма и миграции является весьма актуальной. Крупнейшие миграционные потоки на территории России происходят из стран, жители которых являются донорами террористических организаций. По данным Федерального антитеррористического комитета РФ и Центрального разведывательного управления США, в 2014–2016 гг. наблюдается рост потоков мигрантов из стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Казахстан) и Закавказья (Азербайджан) в зоны действующих боевых конфликтов на Ближнем Востоке и в Африке. С другой стороны, транснациональные мигранты из стран Центральной Азии и Закавказья, работающие на территории РФ, принадлежат к числу наиболее уязвимых социальных групп с неустойчивым и неопределенным социально-экономическим положением, характеризующаясь, таким образом, высоким риском идеологической радикализации. Данная проблема, однако, не является новой. К крайним случаям транснационального экстремизма (т. е. экстремизма, сформированного на почве транснационального положения) можно отнести убийство девятилетней таджикской девочки Хуршеды Султановой (2004 г.), студента Лесотехнической академии и гражданина Конго Ипассака Роланда Франдза (2005 г.), студента Санкт-Петербургского государственного университета Тимура Качаравы (2005 г.), студента Санкт-Петербургского университета водных коммуникации и гражданина Сенегала Самбы Лампсара (2006 г.), покушение на убийство Сиссоко Лилиан, теракт братьев Царнаевых на марафоне в Бостоне (2013 г.), документированные казни российских военных выходцами из бывших республик СССР (2016–2018 гг.), убийство российского посла в Турции (2016 г.), взрывы в метрополитене Петербурга (2017 г.) и др. Во всех указанных случаях обвиняемые были вовлечены в экстремистскую деятельность, с их собственных слов (или со слов организаций, берущих на себя ответственность), через онлайн-пространства.

В последнее время террористические организации еще более активно используют онлайн-пространство для координации деятельности и вербовки новых агентов. Один из вариантов развития сетевой траектории — это идеологическая радикализация. Непосредственно экстремистская деятельность осуществляется с помощью зашифрованных каналов коммуникации (в основном посредством пиринговых сетей), однако ее косвенные индикаторы можно определить и с помощью анализа общедоступного публичного сегмента интернета. Перед исследователями встают вопросы о том, каковы механизмы вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность в сетевом пространстве, какие именно сетевые траектории приводят мигранта к идентичности экстремиста и экстремистским практикам, а также на каких этапах сетевого взаимодействия перед мигрантом встает выбор между активным вовлечением и отказом от экстремистской деятельности. Экстремистская деятельность ограниченного числа людей (в том числе транснациональных мигрантов) предстает как «верхушка айсберга» по отношению к тем, кто начинал движение по экстремистским сетевым траекториям, но, по некоторой причине, остановился, и шире — по отношению к совокупности типичных сетевых траекторий.

Однако, несмотря на то, что указанные (и многие другие) авторы обозначают связь между транснациональной перспективой, социокультурными угрозами экстремизма и новыми информационными технологиями, они не охватывают всей пространственной сложности и запутанности сетевых связей в своих эмпирических исследованиях. В большинстве исследований участников миграционного процесса в интернете используются качественные методы изучения отдельных веб-сайтов или этнографически описывают опыт. Таким образом, исследования такого рода не могут претендовать на широкий масштаб и полноту характеристик. Иллюстрацией данной методологической тенденции являются исследования таких сайтов, как Awate.com (Bernal 2013), Somalinet.com, TibetBoard (Brinkerhoff 2006, 2012), а также некоторого количества страниц и блогов MySpace (Drissel 2008). Одним из немногих проектов, которые восполняют этот пробел, является Атлас электронных диаспор (Diminescu 2012). Используя онлайн-картографические методы для построения корпусов и изучения географии и занятий диаспор, исследователи проекта исследовали 27 групп диаспор, (Ben-David 2012; Kumar 2012; Mazzuchelli 2012). Этот проект является новаторским подходом к диаспорам как гибридам электронного и физического пространств. Заметим, что корпус сайтов, исследуемых

в каждом из 27 случаев, является небольшим (300–500 единиц). Кроме того, авторы намеренно включают в сеть только те сайты, которые имеют непосредственное отношение к миграционному процессу, что значительно сужает эвристические возможности проекта для изучения социальных проблем, связанных с выявлением потенциальных угроз.

В России на сегодняшний день не существует проектов, систематически реализующих потенциал социальных наук и *datascience* для анализа транснациональных онлайн-пространств в том виде, в котором это происходит в описанном выше «западном» дискурсе. Тем не менее ошибочным было бы утверждать, что проблема экстремистского потенциала жителей стран СНГ является новой для отечественной социальной науки. В фокусе внимания при этом оказывается в основном молодежь, которая обычно мыслится как обособленная группа, замкнутая на внутригрупповых сетях и исключенная из более широкого социального пространства. «Эксклюзивность» этой мнимой группы эксплицитно или имплицитно выводится из социально-психологических характеристик типа «внушаемости», «подверженности», «неопытности» и пр., а источником экстремистских настроений представляются либо персонализированные акторы (конкретные люди или организации), либо предельно абстрактные образования (Starikov, Ivanova, Nee 2018). Яркими примерами в данном случае выступают заголовки научных статей типа «Экстремизм в интернете», «Роль СМИ в противодействии экстремизму», «Оправдания терроризма в СМИ» и пр.

Чем «сетевой» подход к анализу идеологической радикализации отличается от «традиционного»?

В ряде работ российских исследователей были выдвинуты гипотезы и реконструированы мотивы радикализации индивидов, в рамках которых последние не осмысляются как члены неких сформировавшихся «групп», а также приводятся оценки их вовлечения в более широкие социальные процессы (Стародубровская 2015 а, 2015 б, 2016; Васильева, Майборода, Ясавеев 2017). Сформулированные в литературе гипотезы могут служить отправной точкой для интерпретации сетевых траекторий мигрантов, однако нуждаются в переосмыслении в связи со спецификой социального контекста: данные исследования касаются экстремизма во внутренних регионах России (республиках Северного Кавказа), но не идеологической радикализации мигрантов.

Обратимся к соотношению «традиционного» и «сетевого» подхода применительно к анализу идеологической радикализации на примере исследований И. В. Стародубровской. По материалам полевой работы (интервью, а также многолетних наблюдений) на Северном Кавказе (Стародубровская 2015 а, 2015 б, 2016) исследовательница выявляет социальный механизм радикализации молодежи (Стародубровская 2015 а, 2015 б, 2016). Аномия в сочетании с межпоколенческим конфликтом порождает запрос на новые правила и нормы поведения, а также на их легитимацию в своих глазах и глазах окружающих. Исламский фундаментализм отвечает на данный запрос, а далее происходит выбор между его умеренными и радикальными формами, который в значительной степени определяется социальным контекстом: доступом к источникам информации, государственной политикой, а также прошлой историей социальных отношений, включая войны. Те, кто выбрал радикальные формы, связанные с насилием, становятся экстремистами.

Как анализ сетевых траекторий пользователей изменяет/дополняет исследовательские вопросы, поставленные в рамках классических исследований экстремизма?

Во-первых, онлайн-пространство — это один из наиболее важных источников информации об экстремизме и один из наиболее важных способов поддержания связи и координации действий в экстремистских организациях. В этом отношении исследование доступа к интернету, характера использования гаджетов, особенностей сетевого поведения различных групп, социально-демографического профиля пользователей и т. п. позволяет ответить на вопрос о том, насколько легко (технически) могут распространяться идеологии — экстремистские и конкурирующие с ними.

Во-вторых, исследования И. В. Стародубровской представляют собой кейс-стади радикализации молодежи — относительно однородной социально — в разных республиках Северного Кавказа, т. е. они привязаны к особенностям региона и структуры населения внутри него. В исследованиях сетевой активности, напротив, «социальный портрет» вовлеченных в экстремизм и их локализация являются не первоначальными характеристиками, но результатом анализа, когда выявляются, а затем интерпретируются типичные сетевые траектории. Таким образом, анализ экстремизма в сети охватывает совершенно разных акторов, с разными путями радикализации, и ключевой вопрос

как раз и состоит в том, каким образом они оказались в одном «месте» в онлайн-пространстве.

Наконец, анализ паттернов и траекторий во всемирной паутине открывает целый мир социальных отношений и взаимодействий, ссылок и переходов, который нуждается во внимательном изучении и обладает собственной каузальной силой (и притягательностью), приводящей к идеологической радикализации. Разумеется, экстремистами становятся не только через всемирную паутину, но через нее (и только через нее) — во многих случаях. Это значит, что анализ сетевых траекторий тех, кто становится экстремистами, обладает собственной ценностью, которая не сводится лишь к дополнению классических исследований экстремизма. Особое значение данная исследовательская перспектива принимает при анализе транснациональных онлайн-сообществ, поскольку онлайн-среда создает особый тип транснационализма — «здесь, там и где-то еще».

Заключение

Социальная наука достигла определенных успехов в изучении онлайн-активности участников миграционного процесса в целом и их идеологической радикализации — в частности. Об этом свидетельствует появление в научной литературе концепций транснациональных онлайн-сообществ, виртуальных/цифровых диаспор, онлайн-мигрантов и др. Подобные исследования могут быть дополнением к классическим «полевым» исследованиям миграции и экстремизма; они также могут выступать в качестве самостоятельных исследовательских проектов.

Вместе с тем сложность объекта и объем накопленного эмпирического материала позволяют утверждать, что социальные ученые еще далеки от полноценного концептуального осмысления феноменов транснационализма во всемирной паутине. Это касается как теоретической полноты, так и используемого инструментария (Starikov, Ivanova, Nee 2018). В частности, большинство исследований концентрируются на отдельных аспектах формирования децентрализованного глобального сообщества качественными методами (на примере отдельных веб-ресурсов). В связи с этим особенно перспективными представляются проекты, которые предполагают реконструкцию полного пространства сетевых взаимодействий мигрантов на основе больших массивов данных.

Источники

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

Васильева Н., Майборода А., Ясавеев И. «Почему уходят в ИГИЛ?»: дискурс-анализ нарративов молодых дагестанцев // Социологическое обозрение. 2017. № 2. С. 54–74.

Костенко В. В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 3. С. 62–76.

Стародубровская И. В. Как бороться с радикализмом молодежи на Северном Кавказе? // Общественные науки и современность. 2015 а. № 6. С. 84–96.

Стародубровская И. В. Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации // Экономическая политика. 2015 б. Т. 10, № 3. С. 68–88.

Стародубровская И. В. Социальная трансформация и межпоколенческий конфликт (на примере Северного Кавказа) // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 111–124.

Степанов А. М. Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях // Вестник СПбГУ. Социология. 2018. № 1. С. 116–127.

Adamson F. Constructing the Diaspora: Diaspora Identity Politics and Transnational Social Movements // Politics from Afar: Transnational Diasporas and Networks. New York: Columbia University Press, 2012.

Axel B. K. The Context of Diaspora // Cultural Anthropology. 2004. Vol. 19, No. 1. P. 26–60.

Basch L., Glick Schiller N., Szanton Blanc C. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. New York: Gordon and Breach, 1994.

Ben-David A. The Palestinian Diaspora on the Web: Between De-Territorialization and Reterritorialization // e-Diasporas Atlas, 2012.

Bernal V. Diaspora, Digital Media, and Death Counts: Eritreans and the Politics of Memorialisation // African Studies. 2013. Vol. 72, No. 2. P. 246–64.

Boym S. The Future of Nostalgia. New York: Basic Books, 2001.

Brinkerhoff J. Creating an Enabling Environment for Diasporas' Participation in Homeland Development // International Migration. 2009. Vol. 50, No. 1. P. 75–95.

Brinkerhoff J. Digital Diasporas and Conflict Prevention: The Case of somalinet.com // Review of International Studies. 2006. Vol. 32, No. 1. P. 25–47.

Brinkerhoff J. Digital Diasporas and Governance in Semi-Authoritarian States: The Case of the Egyptian Copts // *Public Administration and Development*. 2005. Vol. 25, No. 3. P. 193–204.

Brinkerhoff J. Digital Diasporas' Challenge to Traditional Power: The Case of Tibet Board // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38, No. 1. P. 77–95.

Diminescu D. Introduction: Digital Methods for the Exploration, Analysis and Mapping of E-Diasporas // *Social Science Information*. 2012. Vol. 51, No. 4. P. 451–458.

Diminescu D. The Connected Migrant: An Epistemological Manifesto // *Social Science Information*. 2008. Vol. 47, No. 4. P. 565–79.

Ding S. Digital Diaspora and National Image Building: A New Perspective on Chinese Diaspora Study in the Age of China's Rise // *Pacific Affairs*. 2007. Vol. 80, No. 4. P. 627–48.

Drissel D. Digitizing Dharma: Computer-Mediated Mobilizations of Tibetan Buddhist Youth // *The International Journal of Diversity in Organizations, Communities and Nations*. 2008. Vol. 8, No. 5. P. 79–92.

Estévez S. Is Nostalgia Becoming Digital? Ecuadorian Diaspora in the Age of Global Capitalism // *Social Identities*. 2009. Vol. 15, No. 3. P. 393–410.

Everett A. Digital Diaspora: A Race for Cyberspace. Albany: SUNY Press, 2009.

Faist T. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford University Press, 2000.

Giulianotti R., Robertson R. Forms of Glocalization: Globalization and the Migration Strategies of Scottish Football Fans in North America // *Sociology*. 2007. Vol. 41. P. 133–52.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. 1995. Vol. 68, No. 1. P. 48–63.

Kissau K., Hunger U. The Internet As A Means Of Studying Transnationalism And Diaspora // *Diaspora And Transnationalism: Concepts, Theories And Methodology* / Ed. by R. Bauböck and T. Faist. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. P. 245–66.

Kumar P. Sikh Narratives: An Analysis of Virtual Diaspora Networks // *e-Diasporas Atlas*, 2012.

Mazzuchelli F. What Remains of Yugoslavia? From the Geopolitical Space of Yugoslavia to the Virtual Space of the Web Yugoslosphere // *e-Diasporas Atlas*, 2012.

Newland K. Voice after Exit: Diaspora Advocacy // *Migration Policy Institute Report*, 2010.

Portes A., Rumbaut R. Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation. Berkeley: University of California Press, 2001.

Ridings M., Gefen D. Virtual Community Attraction: Why People Hang Out Online // Journal of Computer Mediated Communication. 2004. Vol. 10, No. 1.

Starikov V. S., Ivanova A. A., Nee M. L. Transnationalism Online: Exploring Migration Processes with Large Data Sets // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2018. No. 5. P. 213—232.

Swaby N. Digital Diaspora // CoHaB (Diasporic Constructions of Home and Belonging), Interdisciplinary Research Network Project, 2013.

References

Adamson F. Constructing the Diaspora: Diaspora Identity Politics and Transnational Social Movements. *Politics from Afar: Transnational Diasporas and Networks*. New York, Columbia University Press, 2012.

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imaginary Communities]. Moscow, Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, 2001. (In Russian)

Axel B. K. The Context of Diaspora. *Cultural Anthropology*. 2004, vol. 19, no. 1, pp. 26–60.

Basch L., Glick Schiller N., Szanton Blanc C. *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. New York, Gordon and Breach, 1994.

Ben-David A. The Palestinian Diaspora on the Web: Between De-Territorialization and Reterritorialization. *e-Diasporas Atlas*, 2012.

Bernal V. Diaspora, Digital Media, and Death Counts: Eritreans and the Politics of Memorialisation. *African Studies*. 2013, vol. 72, no. 2, pp. 246–64.

Boym S. *The Future of Nostalgia*. New York, Basic Books, 2001.

Brinkerhoff J. Creating an Enabling Environment for Diasporas' Participation in Homeland Development. *International Migration*, 2009, vol. 50, no. 1. pp. 75–95.

Brinkerhoff J. Digital Diasporas and Conflict Prevention: The Case of somalinet.com. *Review of International Studies*. 2006, vol. 32, no. 1, pp. 25–47.

Brinkerhoff J. Digital Diasporas and Governance in Semi-Authoritarian States: The Case of the Egyptian Copts. *Public Administration and Development*. 2005, vol. 25, no. 3, pp. 193–204.

Brinkerhoff J. Digital Diasporas' Challenge to Traditional Power: The Case of Tibet Board. *Review of International Studies*, 2012, vol. 38, no. 1, pp. 77–95.

Diminescu D. Introduction: Digital Methods for the Exploration, Analysis and Mapping of E-Diasporas. *Social Science Information*, 2012, vol. 51, no. 4, pp. 451–458.

Diminescu D. The Connected Migrant: An Epistemological Manifesto. *Social Science Information*. 2008, vol. 47, no. 4, pp. 565–79.

Ding S. Digital Diaspora and National Image Building: A New Perspective on Chinese Diaspora Study in the Age of China's Rise. *Pacific Affairs*, 2007, vol. 80, no. 4, pp. 627–48.

Drissel D. Digitizing Dharma: Computer-Mediated Mobilizations of Tibetan Buddhist Youth. *The International Journal of Diversity in Organizations, Communities and Nations*, 2008, vol. 8, no. 5, pp. 79–92.

Estévez S. Is Nostalgia Becoming Digital? Ecuadorian Diaspora in the Age of Global Capitalism. *Social Identities*, 2009, vol. 15, no. 3, pp. 393–410.

Everett A. *Digital Diaspora: A Race for Cyberspace*. Albany: SUNY Press, 2009.

Faist T. *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. Oxford University Press, 2000.

Giulianotti R., Robertson R. Forms of Glocalization: Globalization and the Migration Strategies of Scottish Football Fans in North America. *Sociology*, 2007, vol. 41, pp. 133–52.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. *Anthropological Quarterly*, 1995, vol. 68, no. 1, pp. 48–63.

Kissau K., Hunger U. The Internet As A Means Of Studying Transnationalism And Diaspora. *Diaspora And Transnationalism: Concepts, Theories And Methodology*. Ed. by R. Bauböck and T. Faist. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2010, pp. 245–66.

Kostenko V. V. Teorii migratsii: ot assimilyatsii k transnatsionalizmu [Theories of migration: from assimilation to transnationalism]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 2014, vol. 17, no. 3, pp. 62–76. (In Russian)

Kumar P. Sikh Narratives: An Analysis of Virtual Diaspora Networks. *e-Diasporas Atlas*, 2012.

Mazzucchelli F. What Remains of Yugoslavia? From the Geopolitical Space of Yugoslavia to the Virtual Space of the Web Yugosphere. *e-Diasporas Atlas*, 2012.

Newland K. Voice after Exit: Diaspora Advocacy. *Migration Policy Institute Report*, 2010.

Portes A., Rumbaut R. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley, University of California Press, 2001.

Ridings M., Gefen D. Virtual Community Attraction: Why People Hang Out Online. *Journal of Computer Mediated Communication*, 2004, vol. 10, no. 1.

Starikov V. S., Ivanova A. A., Nee M. L. Transnationalism Online: Exploring Migration Processes with Large Data Sets. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2018, no. 5, pp. 213–232.

Starodubrovskaya I. V. Kak borot'sya s radikalizmom molodezhi na Severnom Kavkaze? [How to combat the radicalism of youth in the North Caucasus?] *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*, 2015 a, № 6, pp. 84–96. (In Russian)

Starodubrovskaya I. V. Neformal'nye instituty i radikal'nye ideologii v usloviyakh institutsional'noj transformatsii [Informal institutions and radical ideologies in the context of institutional transformation]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2015 b, vol. 10, no. 3, pp. 68–88. (In Russian)

Starodubrovskaya I. V. Sotsial'naya transformatsiya i mezhpokolencheskij konflikt (na primere Severnogo Kavkaza) [Social Transformation and Intergenerational Conflict (on the

example of the North Caucasus)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [*Social Sciences and Modernity*], 2016, no. 6, pp. 111–124. (In Russian)

Stepanov A. M. Transnatsional'nyj podkhod v sovremennykh migratsionnykh issledovaniyakh [Transnational approach in modern migration research]. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya* [*Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology*], 2018, no. 1, pp. 116–127. (In Russian)

Swaby N. Digital Diaspora. *CoHaB (Diasporic Constructions of Home and Belonging), Interdisciplinary Research Network Project*, 2013.

Vasilyeva N., Mayboroda A., Yasaveev I. «Pochemu ukhodyat v IGIL?»: diskurs-analiz narrativov molodykh dagestantsev [“Why go to ISIL?”: Discourse analysis of narratives of young Dagestanis]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [*Sociological Review*], 2017, no. 2, pp. 54–74. (In Russian).